

УДК 94(470) «16/18»

**ИМАМЫ И ШАМХАЛЫ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ.
К 180-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ ХАСАН-ХУСЕЙНА**

Г.-Р.А.-К. Гусейнов,
Дагестанский государственный университет

garun48@mail.ru

Аннотация: В статье на материале ранее неизвестной биографии шамхальского чанки Хасан-Хусейна – первого наиба имама Гази-Мухаммада в Чечне – рассматриваются некоторые аспекты взаимоотношений имамов и шамхалов в период Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане. Прослеживается родословная Хасан-Хусейна по восходящей и главным образом нисходящей линии на основе семейных преданий и отдельных документальных материалов, а также устанавливаются связи его потомков с религиозной и финансовой элитой Чечни в последующее (во второй половине XIX – первой половине XX вв.), после смерти Хасан Хусейна в 1832 г., время. Исследование выполнено на основе анализа широкого круга исторических источников, посвященных происхождению шамхальских династий, социальному статусу чанкабеков, деятельности Мухаммада ал-Яраги и имама Гази-Мухаммада, доктрине газавата, начальному этапу Кавказской войны, взаимоотношениям в ее ходе имамов и шамхалов.

Abstract: On the basis of the previously unknown biography of shamkhal chanka Khasan-Khusein, imam Gazi-Muhammad's first naib in Chechnya, the author of the article analyzes some aspects of relationship between the imams and shamkhals during the Caucasian war in the North-East Caucasus and in Dagestan. Ascending and mainly descending lines of Khasan-Khusein's genealogy were studied on the basis of family legends and some documentary materials, and the article also covers the contacts of his descendants with religious and financial elite of Chechnya in the period after Khasan-Khusein's death in 1832 (in the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries). The research is based on the analysis of wide-ranging historic sources devoted to the origin of the shamkhal dynasties, the social status of chanka-beks, the activity of Muhammad al-Yaragi and imam Gazi-Muhammad, the jihad doctrine, the initial stage of the Caucasian war, relationship between imams and shamkhals during the war.

Ключевые слова: Кавказская война, Северо-Восточный Кавказ и Дагестан, Хасан-Хусейн, имам Гази-Мухаммад.

Keywords: the Caucasian war, the North-East Caucasus and Dagestan, Khasan-Khusein, imam Gazi-Muhammad.

В Дагестане широко распространено, как известно, мнение о том, что его правители-шамхалы являются потомками одного из дядей Пророка. Подобное понимание их происхождения и отвечающего ему авторитета шамхалов бытовало и в эпоху Кавказской войны. Согласно другой, современной точке зрения, с золотоордынского времени шамхалами в Дагестане и на Северном Кавказе становятся потомки Чингиз-хана.

Так, в 1396 г. прекращается первая династия правивших здесь кумыкских шамхалов, восходившая к Менгу-Тимуру (1265–1282 гг.), сыну Джучи, сына Чингиз-хана. В 1398 г. на смену ей приходит другая чингизидская династия, основателем которой был другой сын Джучи – Тука-Тимур. В 1867 г. она была низложена русской администрацией в Дагестане, получив от нее титул князей Тарковских (см.: Гусейнов Г.-Р.А.-К., 2010. С. 278, 279).

Причем у большинства тюркских народов, начиная с позднего средневековья, наследственным, не подвергавшимся какому-либо сомнению, правом на верховную власть обладали члены «золотого рода» Чингиз-хана. Он стал эпонимом (от греч. ερῶνυμος < ерῖ «после» + опота «имя»), давшим родовое имя своим потомкам. Не случайно, согласно Рашид ад-Дину (1946. С. 184), один из Чингизидов, Газан-хан – правитель государства Хулагуидов в Иране и прилегающих областях

«при вступлении в 1300 г. в Дамаск будто бы обратился к жителям с вопросом: «Кто я?». Они воскликнули: «Царь Газан – сын Аргуна, сына Абаги-хана, сына Хулагу-хана, сына Толуй-хана, сына Чингиз-хана». Потом Газан-хан спросил: «Кто отец Насира?». Они ответили: «Альфи». Газан-хан спросил: «Кто был отцом Альфи?». Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву».

Речь шла о происхождении безродного, с этой точки зрения, мамлюкского султана Насир-ад-дина Мухаммеда (1299–1309), правившего до этого Сирией. Обращаясь же непосредственно к теме нашего исследования, хотелось бы обратить внимание на род Гусейновых, основателем (эпониом) которого стал чанка-бек Хасан-Хусейн.

Чанка-беками (при обращении – кум. бий-обзден досл. «князь-дворянин») являлись, как известно, дети шамхалов от неравных браков, которые не считались «принцами крови» и, даже имея право на долю из отцовского наследства и пользуясь теми же правами, что и уланбии («принцы крови»), не могли претендовать на верховную шамхальскую власть. При этом они получали в управление зависимых селян, использовали их повинности и передавали свои права по наследству. Потомки же чанка-беков, рожденные от матерей-«бике» (княгинь), считались уже беками «чистой крови» и могли претендовать на шамхальский престол (Кумык. энц. словарь, 2009. С. 142–143).

К Хасан-Хусейну по нисходящей линии на основе семейных преданий и отдельных документальных материалов восходят следующие известные на сегодняшний день его потомки, носившие еще в XIX в. фамилию Гусейнов, включая автора настоящей статьи.

Абдулла-Гъажи (1814(?)–1920) – видный богослов, поддерживавший движение Шамиля и дважды побывавший в Мекке. Мухаджир в Турции, где в Стамбуле преподавал в медресе при мечети Айа-София, с которым продолжал поддерживать отношения и по возвращении в Россию. Основал и стал главой торгового дома «Гусейнов и сыновья» с отделениями в г. Хасавюрте, сс. Эндирей, Костек и Аксай. Купец первой гильдии, располагавший в 1917 г. постоянным капиталом более 18 тыс. рублей. В период гражданской войны, несмотря на преклонный возраст, принимал активное участие в событиях, имевших место в с. Эндирей. Был собственником обширных, включая лесной массив Карагач, земельных владений в Хасавюртовском округе Терской области, в пределах которых возникли в дальнейшем несколько нынешних населенных пунктов. Его младший брат Мантай, основавший там же с. Мантай-отар (ныне Манти-хутор), владел и прилегавшей к нему частью лесного массива Карагач. Его потомки, достаточно широко известные в республике (в частности, А.М. Мантаев – Председатель Президиума Верховного Совета ДАССР в первой половине 50-х гг. прошлого столетия), стали носить фамилию Мантаев.

Хабибулла Абдуллаевич (1870–1875(?)–1966) – старший сын Абдуллы-Гъажи Гусейнова от брака с Апий из рода сала-узденей Казбековых. Купец первой гильдии, занимавшейся заграничной торговлей (Иран, Австро-Венгрия, Германия) и местной оптовой – в пределах России (Москва, Нижний Новгород, Царство Польское). Крупный земельный собственник, владения которого включали в числе прочих заречную часть нынешнего г. Хасавюрта и основанное немцами-арендаторами с. Ново-Романовское (Люксембург). Поддерживал партнерские, в т.ч. дружеские, отношения с известными азербайджанскими промышленниками Г.З. Тагиевым, А.И. Манташевым и композитором Узеиром Гаджибековым, связи с последним из которых продолжались и в советское время. Преследовался в годы Советской власти и был вынужден неоднократно менять место жительства (Эндирей, Хасавюрт, Баку, Махачкала, Грозный), потерял на фронтах Великой Отечественной войны двух сыновей из четырех. Был лично знаком со многими духовными деятелями Дагестана 20–30-х гг. XX в. и с возвращением в 1944 г. из Грозного стал казначеем Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана в г. Буйнакске. В 1949 г. вместе с семьей сына Абдул-Кадыра переехал в г. Хасавюрт, где и скончался в 1966 г.

Абдул-Кадыр Хабибуллаевич (1914–1958) – торгово-хозяйственный работник, начавший с конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. свою трудовую деятельность в г. Баку для поддержания переехавшей сюда семьи и продолживший трудиться в г. Грозном. Как сын лишенца не получил полноценного образования. Был репрессирован и провел три года (1937–1940) за пределами ЧИАССР, занимаясь тяжелым физическим трудом на стройках народного хозяйства. Участник Великой Отечественной войны, в первой половине 50-х гг. XX в. – директор межрайонной базы «Дагпотребсоюза» в г. Хасавюрте.

Хасан-Хусейн ушел, по семейным преданиям, в Засулакскую Кумыкию из-за кровной мести, связанной с шамхальскими междоусобицами. Причем сам факт вступления его старшего сына Абдуллы-Гъажи в брак с первостепенной сала-узденкой Апий из рода Казбековых свидетельствует

о соответствующем достаточно высоком его происхождении, ибо сала-уздени Засулакской Кумыкии пользовались «поземельными правами наравне с князьями и чанками. Они были свободны от всяких повинностей...» (*Идрисов Ю., Джамбулатов Р., 2009*).

Долгое время реальность личности Хасан-Хусейна как основателя – эпонима – рода Гусейновых оставалась неясной, пока молодой, подающий большие надежды востоковед Исмаил Ханмурзаев не упомянул его в одной из своих статей: «Этим временем датируется появление на территории Кумыкии проповедников суфизма накшбандийско-халидийского толка... В основном, надо полагать, это касалось деятельности Ташава-хаджи и Умалат-шайха Костекского, а также *Гасан-Гусейна*, близкого друга Мухаммада ал-Яраги и имама Гази-Мухаммада». В примечании со сноской на книгу Мухаммада Тахира «Три имама» он отмечает: «На данный момент неизвестно, из какого аула он был родом, в книге указана лишь его этническая принадлежность: «Этот Гасан-Гусейн был из ученых кумыков» (*Ханмурзаев И., 2011. С. 83*).

Начало этих проповедей следует, видимо, отнести ко времени после 1823 г., когда Мухаммад ал-Яраги (1771–1838) приступил к проповеди тариката, а затем и газавата, заявив в обоснование последнего, что «магометане не могут быть под властью неверных. Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить подати, даже мусульманину... Кто считает себя мусульманином, для того первое дело – газават (война против неверных), а потом шариат» (*Прушановский К.И., Блиев М.М., Дегоев В.В., 1994. С. 211*).

Так теологически и социально-идеологически была обоснована мюридистская доктрина Кавказской войны, которую на ее первых этапах поддержали в борьбе за верховную власть некоторые представители шамхальского дома. В принципе, как представители священного для мусульман рода Пророка они должны были либо возглавить начавшуюся войну, либо выразить позитивное к ней отношение. К числу последних некоторые исследователи относят сына шамхала Мехти II (1794–1830) Абу-Муслим-хана [правил с 1836 г.], поднявшего в 1829–1830 гг. вместе с Гази-Мухаммадом восстание кумыков против своего брата Сулейман-паши, который правил в 1830–1836 гг. (*Блиев М.М., Дегоев В.В., 1994. С.251, 286–287*). Не случайно еще будущий первый (с 1829 г.) имам Дагестана и Чечни Гази-Мухаммад (1795–1832) при встрече с кумыкским шамхалом Мехти II (1794–1830) говорил ему: «Ты – валий Дагестана; все народы тебе повинуются, а которые независимы – послушают тебя. Ты должен быть блюстителем шариата» (*Волконский Н.А., Прушановский К.И., Блиев Марк, 2004. С. 204*). В середине 20-х гг. XIX века с практически аналогичным предложением обращался к шамхалу Мехти II и известный чеченский предводитель Байбулат Таймиев, что также свидетельствует о соответствующем авторитете шамхалов, выходявшем за пределы Дагестана.

Более широкой известностью в данном отношении пользуется имя прототипа героя повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1831) Уммалат-бека Буйнакского – сына Шахбаз-бека, сына Баммат-шамхала II (1783–1794). Он был крым-шамхалом (наследником престола) при своем брате Мехти-шамхале II (1794–1830) и женат на его дочери, стал претендентом на кумыкский престол в 1819–1830 гг., позже сподвижником Кази-Муллы (Гази-Мухаммада). После убийства полковника Верховского бежал в Аварию, где по смерти Султан-Ахмат-Хана Аварского (1802–1823) был провозглашен Ханом Аварским. Вновь поднял восстание и после поражения бежал в Турцию, вступил на службу турецкому султану, в 1828 дрался в Браилове против Русских; оттуда, перед взятием города, бежал в Анапу, где и погиб в бою с русскими (*Алиев К.М., 2008. С. 66, 167–168 табл.1; Бестужев-Марлинский А.А., 1958. С. 624*).

С именем Мехти-шамхала II, правившего достаточно долго (см. выше), связывается большое число чанков (джанков), среди которых известны Ахмат-хан, Гайдар-бек, Албёрю, Кагерман-бек, Чагар, Бек-Мурза, Будай-бек, Касум-бек (*Алиев К.М., 2008. С. 170 табл. 1. С. 177. Табл. 2*). Не исключено, что к их числу относятся и Хасан-Хусейн, но его, по всей видимости, предпочли забыть, ибо, как уже было отмечено, причиной его, оставившего свои владения (кум. еринде-сувунда кьоюп «свою землю и воду»), ухода стало убийство или попытка убийства кого-то из членов шамхальского дома. Все это не мудрено, если принять во внимание (см. выше) обстановку, которая сложилась в доме шамхалов, но могло иметь и религиозно-идеологическую подоплеку.

Как указывал Мухаммад Тахир в своей книге «Три имама», «он был оставлен Гази-Мухаммедом в Чечне в качестве наместника. Гази-Мухаммед любил его. Шейх Мухаммед из Яраглы всегда также относился к нему с *почтением* (выделено нами) и уважением» (*Мухаммад Тахир из Караха, 1926. С.63*), что было обусловлено как глубокими религиозными знаниями, возможно, позволившими Хасан-Хусейну принять участие в выработке доктрины газавата, так и его происхождением. После того, как в 1828 г. в Турцию уходит Умалат-бек, убитый затем в

Анапе, взятой русскими войсками в 1829 г., участие в газавате Хасан-Хусейна – другого потомка шамхалов и соответственно потомка одного из дядей пророка Мухаммеда – могло прибавить легитимности и авторитета идеям Гази-Мухаммада. Особенно в Чечне, которая с конца XVI или начала XVII вв. являлась собственным уделом (мюльком) шамхала (*Алиев К.М.*, 2008.С. 145, 146 табл.).

Причем в дальнейшем знаменитому шамхальскому чанке кумыкскому князю Султан-Муту платил дань, как сообщается в чеченских преданиях, живший в западном нагорном чеченском обществе Нашхой (Нашха) легендарный предок чеченцев Тинавин-Вис, сын Молкха. При нем в указанное выше время и началось расселение будущих чеченцев в предгорьях – в пределах владений кумыкских князей (Очерки истории ЧИАССР, 1967. С. 58; *Берже А.П.*, 1991. С. 86; Чеченский фольклор, 1998. С. 35).

И еще в период после окончания Кавказской войны в обращении кумыкских князей из «Журнала Комитета Кумыкского округа для разбора личных и поземельных прав туземцев» (1862 г.) говорилось, что «в прежнее время князья пользовались ясаком: с Чечни, Карабулака, Качалыка, Ауха и Салатавии, и что ясак с ауховцев перестали получать со времени возмущения, последовавшего в 1840 году» (Движ. горцев., 1959. С.688–689). Не случайно распространившие здесь ислам кумыки (Ист. нар. Сев. Кав. 1988а. С. 107) до сих пор считаются среди чеченцев народом князей (эла нах). Причем среди некоторых течений накшбандийского тариката бытует поверье о том, что допрос на Ахирате будет вестись именно на их языке. Так, уже упоминавшийся Султан-Мут был известен в Чечне и как шейх Мут: «Так, в 10–20-х гг. XVII в. в Ичкерии поселился шайх Мут (конец XVI–40-е гг. XVII в.) – ... сын Тарковского шамхала Солтан-Мут. Пещера, в которой он уединялся, стала «святым» местом – Ших-Мут Хьех. Сохранились предания о таких наставниках, как шайх Мурат, Бата, Термаол, Берсан-шайх» (*Месхидзе Дж. И.*, 1998. С. 107), некоторые потомки последнего в последующем оказались связаны с родом Гусейновых.

В рассказе из также принадлежащего Мухаммаду Тахиру «Блеска дагестанских сабель» (1941. С. 51) говорится о том, что «был с Гази-Мухаммедом один ученый мухаджир из *жителей равнины* [перевод аварского названия кумыков] по имени Хасан-Хусейн. Мухаммед Эфенди ал-Яраги любил его, приблизил к себе и поручал ему некоторые свои дела. Затем, когда возвратились из Чечни, его оставили там». Однако в другом, но уже современном историческом сочинении, вопреки вышеизложенному, уже ничего не говорится о взаимоотношениях Хасан-Хусейна с шейхом Мухаммедом Эфенди ал-Яраги, его мусульманской образованности и о том месте, которое занял предок Гусейновых в Чечне. Ср.: «Вместе с Гази-Мухаммадом *одно время* (!) находился мухаджир Хасан-Хусейн. Он был с Гази-Мухаммадом и Мухаммадом Ярагским в чеченском походе, а когда они возвращались из Чечни, Хасан-Хусейна оставили там» (*Доного Х.М.*, 2007).

При этом, говоря о Хасан-Хусейне как мухаджире, следует иметь в виду то, что со времен пророка Мухаммада они «составили элиту мусульманской общины. В заслугу им ставилось то, что ради веры они порвали узы родства и, оставив дома и имущество, последовали за вероучителем» (*Милославский Г.В. и др.*, 1991. С. 177). То же самое, в принципе, у Мухаммада Ярагского: «Кто исполняет шариат, тот должен вооружиться во что бы то ни стало, бросить семейство, дом, землю и не щадить самой жизни» (см.: *Блиев М.М., Дегоев В.В.*, 1994. С. 211).

Действительно, 11 марта 1832 г. Гази Мухаммад в сопровождении шейха Мухаммада Ярагского [и, по всей видимости, Хасан-Хусейна] двинулся в Чечню, которая вместе с Засулакской Кумыкией была охвачена восстанием. На следующий день он вступил на ее территорию. До этого после неудачной осады Гази Мухаммадом крепости Внезапной в июне 1831 г. многим жителям кумыкского Эндирея пришлось покинуть свои дома и переехать в горы – Салатавию и Аух. Затем, 24 июля 1831 г., с целью заставить колеблющуюся часть эндиреевцев уйти в горы Газимухаммад сжигает большую часть Эндирея. Однако и дальнейшее продвижение в Ингушетию и Осетию оказывается неудачным. 24 июля 1832 г. началось генеральное наступление Кавказского корпуса на Чечню, Ичкерия и Дагестан. Две колонны: одна под начальством самого Розена, другая под управлением Вельяминова – сметали практически все на своем пути. В августе 1832г. русские войска восстанавливают свой контроль над Малой и Большой Чечней, 10 октября занимают Салатау, где укрывались беженцы из Эндирея. 29 октября войска вошли в Темир-Хан-Шуру, затем берут штурмом аварский аул Гимры, где 17 октября того же года гибнет имам Гази-Мухаммад (*Доного Х.М.*, 2007; *Ханмурзаев И.*, 2011. С. 81–83).

Тогда же в Чечне гибнет, видимо, в июле-августе 1832 г., Хасан-Хусейн. Однако сведения об этом, приводящиеся лишь у Мухаммада Тахира, весьма противоречивы. Так, в книге «Три имама»

(1926. С. 63) сообщается: «На помощь Гази-Мухаммеду явились в Ирганай и последователи его из Чечни и Кумыкской плоскости. Один из них сообщил ему, что Гасан-Гусейн убит ими за предательство русским...». Во второй книге содержится более «детальный», но противоречащий первому «рассказ»: «Через некоторое время пришел из Чечни один человек и сообщил: «Хасан-Хусейн *вернулся к русским* (выделено нами) [но это означает, что он вначале пришел от русских, и находится в явном противоречии с тем, как относились к нему Гази Мухаммад и Мухаммад Ярагский] и вышел против нас с их оказией [так «назывались на Кавказе обыкновенно следования различного рода транспортов в сфере действия противника, а потому и под прикрытием войск, а также и регулярные сообщения между крепостями – прим. составителя» (*Бенкендорф К.К.*, 1845. С. 45)] и мы его убили» (*Хроника Мухаммеда ал-Карахи*, 1941. С. 51). И вот как, совершенно в ином, исключительно в негативном смысле и «конспективном» виде события, связанные со смертью Хасан-Хусейна, передаются у Хаджи-Мурата Доного: «Через некоторое время пришла весть, что Хасан Хусейн перебежал к русским, вместе с ними выступил против горцев и был убит в сражении» (*Доного Х.М.*, 2007).

Все это носит в конечном счете характер слухов, причем недостаточно достоверных. Показательны в этом смысле слова Гаджи Али, автора заметки «Сказание очевидца о Шамиле» (1873 г.): «Народ рассказывает про него [о Гази-Мухаммеде] многое, но верить этим рассказам трудно, тем более, что я решился писать только то, что сам видел и слышал от людей достоверных» (*Гаджи Али*, 1990. С. 11–12). Но и это никак не подтверждается документальными источниками. Уход такого видного деятеля, сподвижника Мухаммада Ярагского и Гази-Мухаммада, как Хасан Хусейн – наместника Гази-Мухаммада в Чечне, не мог не остаться без внимания русских и других местных источников, подобных вышеупомянутому.

Кроме того, если бы Хасан-Хусейн был бы предателем, то его потомство должно было быть на хорошем счету у русской администрации, но его сын Абдулла-Гъажи, как отмечалось, ушел в Турцию, где от голода умерла его жена-турчанка, похороненная, по семейному преданию, в Измире. И он становится мухаджиром, как и его отец. Имя Хусейн носил, что знаменательно, младший из сыновей Абдуллы-Гъажи, а мой дедушка Хабибулла включил компонент Абдулла в состав имен почти всех, за исключением скончавшегося в детстве Бийсултана, своих сыновей – Абдул-Кадыр, Абдурахман, Абдуразак, Абдулхалим. Подобным же образом были названы все сыновья Абдурахмана (Абдулгамид, Абдулбасыр, Абдуразак) и мой старший брат – Абдурашид, с именем которого (во второй части) оказалось связанным и мое – Гарун-Рашид. И никто из Гусейновых и в последующем (в дооктябрьское время) не служил в местной царской администрации.

Отметим и такой общеизвестный факт, что Мухаммед Тахир составил основную часть своей арабоязычной книги «Блеск горских сабель в некоторых шамилевских битвах» между 1851–1856 гг., когда Шамиль назначил его своим секретарем (1850–1851 гг.). Главными источниками его сочинения служили устные рассказы самого Шамиля или приближенных его деятелей. Дополнения и детали вносились автором вплоть до его смерти (1882 г.). Затем сын Мухаммад-Тахира Хабибулла первоначально продолжал дополнять ее собранными им рассказами, заимствованиями из других сочинений и сложившимися к тому времени легендами и преданиями, а затем, пытаясь издать ее в 1904 г., сделал некоторые сокращения, но и этот вариант цензура не разрешила опубликовать. Известные ее переводы на русский язык под вышеупомянутыми названиями 1926, 1941 и 1946 гг. и соответственно их переиздания 90-х гг. XX в. ощутимо отличаются друг от друга, снижая тем самым достоверность передаваемых в них фактов, в т.ч., по всей видимости, и в отношении Хасан-Хусейна.

Явно негативное к нему отношение, сложившееся ко времени создания книги, могло быть обусловлено разногласиями внутри элиты имамата. При этом следует учесть то, что в результате военных действий, в ходе которых погиб, по всей видимости, Хасан-Хусейн, бедствия чеченского и кумыкского населения были неисчислимы, ибо главным театром боевых столкновений, начиная с 1825 г., являлись в этот период равнинная Чечня и Кумыкия. Показательно, что после неудачной осады Гази Мухаммадом крепости Внезапной и сожжения Эндирея его будущий знаменитый уроженец и наиб Шамиля «Ташав (Хаджи) со своими мюридами, не видя дальнейшей возможности проживания в родном селении по соображениям безопасности и непримиримым расхождениям во взглядах [надо полагать с Гази Мухаммадом], покидает Эндирей» (*Ханмурзаев И.*, 2011. С. 81–82).

Набеги на равнину еще более усиливают недовольство кумыкской части элиты Шамиля, который в 1840г. после набега на кумыкские сс. Чир-Юрт и Султан-Янги-Юрт взял с них аманатов

в знак признания его власти и шариата. В 1848 г., после нападения отряда наиба Шамиля Кайирбека Буртунаевского на Эндирей, другой наиб Шамиля Идрис-эфенди, выходец из того же селения, «обрушился с критикой на методы борьбы мюридов с царскими войсками, от которых страдали не столько царские солдаты, защищённые крепостными стенами, сколько мирные кумыкские земледельцы». Осложнив тем самым свои дальнейшие взаимоотношения с Шамилем, он уходит от него и в феврале-марте 1859 г. сдаётся царским властям (Ханмурзаев И., 2010).

Вышеупомянутая борьба особенно обострилась в период выборов наследника Гамзат-бека, когда основным конкурентом будущего имама Дагестана и Чечни Шамиля на выборах был вышеупомянутый выходец из кумыкского с. Эндирей Ташав-хаджи (1794/1798–1841/1843). Он мог находиться до этого в достаточно близких отношениях с Хасан-Хусейном и в том же 1834 г., менее чем через два года после смерти Хасан Хусейна, на всеобщем съезде чеченского народа в селении Майртуп избирается лидером Чечни в качестве имама. Дело Хасан-Хусейна было продолжено, чем еще раз был подтвержден высочайший авторитет кумыкских военных и религиозных деятелей в Чечне того времени. Однако об этих противоречиях умалчивает такой тенденциозный, по мнению И. Ханмурзаева (2011. С. 81), источник, как хроника Мухаммада Тахира, которая сообщает, что Гази Мухаммад якобы в свое время предрек, что Шамиль станет после него руководителем имамата. В последующее время имели место и ссоры, «после одной из которых Ташав-хаджи незаметно исчез с политической сцены» (Блиев М.М., Дегоев В.В., 1994. С. 468).

После смерти Хасан-Хусейна сама идея сотрудничества имамов Дагестана с представителями дома шамхалов, вернее, использования в политических целях его проблем, связанных с наследованием верховной власти, не была окончательно похоронена. Так, Шамиль в 1843 г. пытался утвердить на шамхальском престоле младшего брата Абу-Муслим-Хан-Шаухала Мухаммад-Бека Тарковского, присягнувшего тогда же на верность шариатскому правлению. Как справедливо отмечают исследователи, данный факт «резко контрастирует, например, с казнью по его указанию Булач-Хана из хунзахского владетельного дома» (Кадиев С., 2013). Сюда же следует присовокупить и то, что Булач-Хан и его братья, умерщвленные до этого вторым имамом Гамзат-беком, были детьми другого выходца из рода кумыкских шамхалов и соответственно Пророка – Султан-Ахмеда Мехтулинского и Паху-бике, «убийство которой [видимо, как женщины и дочери Умма-хана] воспрещается законами» (Гаджи-Али, 1990. С. 14–15). Причем казнь вышеупомянутого семилетнего Булач-хана по указанию Шамиля в том же 1834 году была произведена позднее, после убийства его братьев, что не помешало в дальнейшем Шамилю сделать своим наибом Хаджи-Мурата – одного из убийц своего предшественника – Гамзат-бека.

Знаменательно, что связи Гусейновых с религиозной и финансовой элитой Чечни продолжались и в последующее, после смерти Хасан-Хусейна, время. Возможно, именно его авторитетом был обусловлен их более тесный, взаимно родственный характер. Так, дед автора этих строк Хабибулла Гусейнов женился в 1910 г. вторым браком на дочери купца первой гильдии из Чечни Абубакара Мирзоева Вазипат (см. фото в конце статьи). Абубакар был одним из сыновей Керим-хаджи Мирзоева, который арендовал у Терского казачьего войска единственные тогда Старые нефтяные промыслы города Грозного. Причем первое доступное на сегодняшний день упоминание представителей рода Мирзоевых имеет место еще в 1866 г. Тогда в составе комиссии для освобождения зависимых в Чечне, наряду с полковниками Вагапом Аду и Касымом Курумовым, майором Шеди Эльмурзаевым и муллой Байбулатом Аджиевым, называется кадий, видимо, всей Чечни Али Мирзоев (История народов Северного Кавказа., 1988б. С. 274; Ахмадов Я.З. и др., 1991. С. 114).

В свою очередь, дочь Абубакара Кабахан, отказавшаяся эмигрировать с Чермоевыми, за одним из которых она была замужем, во Францию, выйдет затем замуж за одного из последних кумыкских князей Турловых, бывших правителями Чеченского княжества в XVII–XVIII вв. до его вхождения в состав России, а затем относившихся к числу крупнейших землевладельцев Надтеречного наибства Чечни, – Алисултана, сосланного в с. Шали. Она бесследно исчезла вместе с ним в застенках НКВД в 1937 г. С другой стороны – дочь Исмаила, брата Абубакара, стала женой брата будущего председателя Горского правительства Тапы Чермоева, а затем во Франции ее дочь вышла замуж за министра иностранных дел того же правительства кумыка Гайдаром Бамматом.

Затем уже в советское время сын Хабибуллы Абдул-Кадыр женился на Сапият – дочери Тарама, старшего брата Абубакара Мирзоева. Она вошла в историю Чечни тем, что в 1944 г. стала

единственным членом бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), открыто выступившим против депортации чеченцев и ингушей, за что была исключена из партии.

Женой Абубакара была Зару, происходившая из рода шейха Берсана, одного из легендарных распространителей ислама в Чечне, Тарама – дочь одного из шейхов ордена Накшбанди в Чечне Солса-хаджи Яндарова. Один из потомков Солса-хаджи Яндарова – профессор Андарбек Дудаевич Яндаров, бабушкой по отцу которого была родная сестра Абубакара и Тарама Мирзоевых, был до безвременной своей смерти в 2011 г. советником Совета Федерации. Он являлся единственным в советское время доктором философских наук – специалистом по суфийскому исламу, затем секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии, заведующим отделом востоковедения АН ЧРИ и министром образования в начале «горячих» 90-х годов. При содействии Андарбека Яндарова автором этих строк, являвшимся его заместителем в АН ЧРИ, была открыта в г. Грозном первая в России гимназия с углубленным изучением восточных (арабского и турецкого) языков.

Таким в последующем стало потомство Хасан-Хусейна – наместника первого имама Гази-Мухаммада в Чечне. Установились и продолжились и связи его потомков с одними из лучших представителей ее духовной и экономической элиты.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала, 2008. – 204 с.
- Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Хизриев Х.А.* История Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.
- Бенкендорф К.К.* Воспоминания о Кавказской летней экспедиции. 1845. В: Поход гр. М.С. Воронцова к резиденции Шамиля Дарго «сухарная экспедиция» (1845 г.) [электронный ресурс] // Россия в Кавказской войне. Вып.2. СПб. Журнал «Звезда». 1997 // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Benkendorf/text1.htm> (дата обращения: 27.12.13).
- Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Грозный: Книга, 1991. – 107с.
- Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. – 630 с.
- Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. – 592с.
- Блиев Марк.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. – 878с.
- Гаджи Али.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала. 1990. – 81с.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Заметки к генеалогии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2010. Вып. II. С. 78–82.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XX века. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 785 с.
- Доного Хаджи Мурад.* Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад. Махачкала: 2007// Электронный ресурс. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?Art=255&rub=28> (дата обращения: 27.12.13).
- Идрисов Ю., Джамбулатов Р.* Структура и правовой статус кумыкского узденства// Электронный ресурс. URL: <http://www.kumukia.ru/author?q=1192> (дата обращения: 27.12.13).
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. – 544 с. (а).
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917г.). М.: Наука, 1988. – 670с. (б).
- Кадиев С.* Из истории села Нижнее Казанище. Махачкала: 2013// Электронный ресурс. URL: <http://www.kumukia.ru/author?q=1581> (дата обращения: 27.12.13).
- Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009. – 400с.
- Магомед Тагир из Караха.* Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 55–191.
- Месхидзе Дж.И.* Чечено-Ингушетия // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М.: Восточная литература, 1998. Вып.1.
- Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М.* Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. – 315 с ил.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен по март 1917 года. Грозный, 1967. Т. 1. – 314с.
- Рашид -ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1946. Т. III. – 253с.

Ханмурзаев И. Ташав-хаджи Эндиреевский: политический и религиозный деятель // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2011. С. 76–91.

Ханмурзаев И. Идрис-эффенди из Эндирея. Махачкала: 2007// Электронный ресурс. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?Art=255&rub=28> (дата обращения: 27.12.13).

Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.: Изд. АН СССР, 1941. – 316с.

Чеченский фольклор. Махачкала, 1998. – 245с.

Электронный ресурс. URL: <http://www.forum-eurasica.Ru/index.php?/topic/>...(дата обращения: 27.12.13).

